Научная статья

УДК [94:630](470.631)''18''

ББК 63.3(235.7)5-7

К 21

doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-43-52

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ КАЗАЧЬИХ И ГОРСКИХ ЛЕСНИЧЕСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

(Рецензирована)

Диана Аликовна Карабашева

Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник им. М.О. Байчоровой, г. Черкесск, Россия

dia9510@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается один из важных аспектов экономической истории, связанный с отраслью лесного хозяйства на территории современной Карачаево-Черкесской республики. Хищническая эксплуатация лесных богатств региона во второй половине XIX в. со стороны местного горского и казачьего населения детерминировала государственное и общественное вмешательство в данную сферу, главной целью которого было не только желание предотвратить экологическую катастрофу и упорядочить пользование лесами, но и учесть потребности населения, сохранить рентабельность лесного хозяйства. В центре внимания автора находятся аспекты, относящиеся к возникновению системы войсковых и общественных лесничеств в имперский период. Рассматриваются вопросы, связанные с финансовой деятельностью данных структур, отмечается динамика их расходов и доходов, указывается штатный состав лесничеств, акцентируется внимание на проблемах кадрового состава и существовании коррупционных схем. Данная работа впервые освещает возникновение в нагорной части Верхней Кубани природоохранных структур, их правовые виды, комплекс их функций (административных, защитных, надзорных, технических, хозяйственных и др.), нормативную основу, содержание и ареал их деятельности. Автор отмечает основные проблемы отрасли, характер и динамику освоения лесных ресурсов региона, эффективность деятельности службы охраны лесов.

Ключевые слова и фразы: лесничество, лесная дача, лесная стража, войсковые леса, горцы, казачество, Карачаево-Черкесия.

Для цитирования: Становление системы казачьих и горских лесничеств на территории современной карачаево-Черкесии в дореволюционный период /Д.А. Карабашева //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2021. Вып. 2 (279). С.43-52 doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-43-52

Original Research Paper

THE FORMATION OF A SYSTEM OF COSSACK AND MOUNTAIN FOREST SERVICES IN THE TERRITORY OF MODERN KARACHAY-CHERKESSIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Diana A. Karabasheva

M.O. Baichorova Karachay-Cherkess Historical, Cultural and Nature Museum-Reserve, Cherkessk, Russia, dia9510@yandex.ru

Abstract. The article highlights one of the important aspects of economic history related to the forestry industry in the territory of the modern Karachay-Cherkess Republic. The predatory exploitation of the region's forest wealth in the second half of the 19th century on the part of the local mountain and Cossack population determined state and public intervention in this area. Its main goal was not only the desire to prevent an environmental disaster and streamline the use of forests, but also to take into account the needs of the population, to preserve the profitability of forestry. The author focuses on aspects related to the emergence of a system of military and public forest services during the imperial period. The paper deals with the issues related to the financial activities of these structures, the dynamics of their expenses and income, the staff of forest services, attention is focused on the problems of personnel composition and the existence of corruption schemes. This work for the first time highlights the emergence of environmental protection structures in the upland part of the Upper Kuban, their legal types, the complex of their functions (administrative, protective, supervisory, technical, economical etc.), the normative basis, content and range of their activities. The author notes the main problems of the industry, the nature and dynamics of the development of forest resources in the region, the effectiveness of the forest protection service.

Keywords: forest service, forest cottage, forest guard, military forests, highlanders, Cossacks, Karachay-Cherkessia

For citation: The formation of a system of Cossack and mountain forest services in the territory of modern Karachay-Cherkessia in the pre-revolutionary period / D.A. Karabasheva // Bulletin of Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies". 2021. 2 (279). P.43-52 (in Russian) doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-43-52

Проблемы эффективного использования лесных ресурсов имеют большую значимость для всего мира, в том числе для российского государства. В этой связи, на наш взгляд, исторический опыт хозяйствования в сфере охраны лесов востребован и актуален на современном этапе. Это обстоятельство детерминирует проведение исследований, затрагивающих интересующую нас проблематику. В данной статье мы постарались осветить один из небольших аспектов темы, сконцентрировавшись

на проблеме создания лесничеств и эффективности их деятельности на территории современной Карачаево-Черкесии.

В дореволюционный период лесные угодья региона Верхней Кубани или Баталпашинского отдела Кубанской области (южную часть которого составляет территория нынешней Карачаево-Черкесии) в плане отношений собственности подразделяли на две основные категории. Первую составляли государственные леса (прежде всего, казенные), вторую – общественные, включавшие леса

горских обществ и казацьи (войсковые и станичные) леса.

Соответственно, функционировали разные виды лесничеств: казенные, войсковые, общественные. В данной статье нами рассматриваются два последних. Судя по имеющимся источникам, первым из лесничеств на территории Верхней Кубани возникло лесничество Баталпашинских войсковых и станичных лесов (упоминаемое и как «лесничество войсковых лесов Баталпашинского отдела»), созданное в 1875 г., а в 1903 г. переименованное в Прикубанское лесничество [1; 55; 2; 256; 3; 272]. Его контора располагалась в станице Николаевской. Это лесничество в начале 1900-х гг. включало в себя: лесопитомники (1 дес. 1764 кв. саж.) на Ребровской, Державной и Татарской дачах; 6 дач и 24 войсковых участка (общая площадь – свыше 7500 дес. 2180 кв. саж., в т.ч. леса – 5794 дес. 968 кв. саж.); общественные леса 25 станиц (площадь: 11500 дес.) [4; 26, 37]. На содержание персонала в 1903 г. было выделено 9679,66 руб., в том числе на содержание лесничего – 1654, лесной стражи – 6929,16, на постройки, ремонт, освещение зданий для лесных чинов – 1075 руб. Доходы лесничества тогда составили 12162,99 руб., за год увеличившись на 6484,31 руб., в основном – за счет продажи леса. За тот год в данном лесничестве «самими заготовщиками под надзором лесных чинов» были проведены лесосеки на 35 дес. [4; 29-37]. В 1906 г. расходная часть бюджета лесничества составила 11618 руб. (+20% по сравнению с 1903 годом), доходная – 14397 руб. (+18%) [5; 32-33].

В 1889 г. было создано «лесничество войсковых лесов, расположенных между рр. Лабою и Кубанью», называвшееся также Малолабинско-Псеменовским. В 1903 г. оно было переименовано в Верхнелабинское лесничество. Его контора находилась в станице Псебайской, а территория включала верхнее течение

рек Большой и Малой Лабы [2; 174; 3; 272], в том числе Псеменскую войсковую лесную дачу и безлесный войсковой участок станицы Кардоникской [4; 27]. В 1903 г. на содержание этого лесничества было потрачено 4604,2 руб., в том числе на содержание лесничего – 1604, лесной стражи – 2761,4, постройки, ремонт, освещение зданий для лесных чинов – 238,8 руб. Следует признать, что расходы в целом оправдывались, с большим избытком перекрываясь поступлениями от деятельности лесничества. Его доходы, например, за 1903 г., исчислялись в 7004,43 руб. [4; 29-37]. В 1906 г. расходы на содержание лесничего остались теми же, а на лесную стражу – увеличились до 2935 руб. При этом были исключены прочие расходные статьи, поэтому общая сумма содержания лесничества несколько снизилась до 4539 руб. [5; 32].

Как видим, если по сравнению с 1903 г. расходы на лесничество в 1906 г. уменьшились, то доходы от его деятельности, наоборот, увеличились почти на 89% (с 7004 руб. до 13210 руб.) [5; 32-33]. В последующие годы объем ассигнований неуклонно увеличивался. Так, на 1914 г. он составил более 13887 руб., из которых от войсковой казны Кубанскому казачьему войску (ККВ) было выделено на содержание управления лесничества (лесничий, помощник и др.) 4875 руб., рядового персонала (объездчиков, лесников и др.) – 2328,6 руб., на другие расходы (почтовые, ремонтные) – 42,25 руб. Помимо этого, станичными обществами на содержание станичной лесной стражи в районе данного лесничества было выделено 6641,2 руб. Угодья этого лесничества охраняли 87 «платных» и 100 «бесплатных» стражников [6; 50-56]. В канун Первой мировой войны лесничество стало приходить в упадок, возможно, в связи с неэффективностью управления. За 1913 г. доходы Верхнелабинского войскового лесничества составили около 13781 руб., а в следующем году

упали ещё ниже [6; 50-56], превысив упомянутые затраты на его содержание в 1914 г. (13,9 тыс.). То есть деятельность лесничества впервые стала убыточной. Отметим, что оно вплоть до революции находилось «во временном войсковом управлении».

В войсковых лесничествах осуществлялась выборочная рубка «с соблюдением условий, благоприятствующих естественному возобновлению леса»; велась деятельность по сбору «семян разных древесных пород». (Так, в 1914 г. в Верхнелабинском лесничестве их было собрано 47,5 фунта). Кроме того, работники нагорных лесничеств Кубани тогда проводили разнообразные лесоустроительные работы, в том числе такие как таксация (определение объема срубленных и растущих деревьев, запаса и прироста насаждений), включая прорубку таксационных визиров (полос шириной 0,3-0,5 м, прорубаемых внутри лесного квартала или урочища и применяемых для привязки к территории таксационных выделов, дорог, рек и т.п.), обмерку линий с выделом насаждений и др. [6; 59-61].

Согласно «Временным правилам о лесах общего владения Кубанского казачьего войска и казачьих станиц по левую сторону р. Кубани» от 1888 г., полномочия войскового лесничего распространялись как на леса «общего владения» (подведомственного ему войскового лесничества), так и на леса станичных обществ, причисленных – «для надзора за целостью» их – к данному войсковому лесничеству /п. 2/. Войсковой лесничий осуществлял надзор как за войсковой лесной стражей, так и юртовой лесной стражей, за действиями станичных властей «по части лесохранения и лесного хозяйства» на лесных участках, находившихся в пользовании станичных обществ; вел личную проверку станичных «билетных книг», то есть документов, в которых велась фиксация выдачи билетов на лесорубку. Он же не

менее 2-х раз в год лично объезжал подведомственные леса «общего владения»; весной, «по истечении лесорубочного периода (с 1 апреля каждого года)», лично обследовал участки заготовки лесоматериалов, вел осмотр состояния участков, не отведенных для рубки; каждое лето обозначал участки, где возможен допуск рубки в следующий лесорубный сезон; не менее 2-х раз в год представлял отчет для Войскового Хозяйственного Правления (ВХП) /п. 5/ [7; 560-564]. В соответствии с «Временными правилами», войсковая лесная стража осуществляла охрану общественных лесов Кубанского казачьего войска (лесных дач «войсковой заповеди»). Её «лесные нижние чины» содержались за счет войсковой казны ККВ, назначались на должности решением ВХП и непосредственно подчинялись местному лесничему /п. 4/. Юртовая /станичная/ лесная стража вела охрану лесных угодий, находившихся в пользовании станичных обществ. В её состав входили: полесовщики, избиравшиеся станичными обществами «из людей благонадежных, физически способных к исполнению возлагаемых на них обязанностей», не моложе 21 года (письменные решения обществ утверждались ВХП); они содержались за счет своих станичных обществ, подчинялись лесничим и станичным (поселковым) атаманам /п. 4/ и конные объездчики. Каждые 2 соседние станицы за собственный счет брали на содержание одного конного объездчика, неся расходы поровну (200 руб. жалованья; 18 руб. квартирных и 50 руб. поземельных, причем вместо квартирных и поземельных выплат станичные общества могли выделить объездчику квартиру «в натуре» и отвести 20 дес. земли «при лесах» - по 10 дес. от каждой станицы). Каждый объездчик должен был иметь собственную лошадь и вел надзор как за лесами этих 2-х станиц, так и за полесовщиками. Он назначался на должность

и увольнялся решением лесничего, которое утверждалось ВХП [7; 560-564].

Первое среди горских обществ лесохозяйственное управление – *Карачаевское лесничество* – функционировало уже в 1870-е гг., когда, как сообщает Г. Петров, это горское общество начало содержать за свой счет лесную стражу и лесничего. В обязанность последнего входило «не только охранение целости лесов, но и строгое наблюдение за исполнением правил, установленных для пользования лесом» [8; 141]. Эти правила предусматривали следующее. Во-первых, «лес может рубить только тот, кто нуждается в нем для построек». Во-вторых, право на вывоз для продажи имели «только бедные», причем «при условии произвести порубку не более определенной нормы и сбыть лес в пределах же Карачая». В-третьих, заготовленный лес должен был быть «свезен в определенный срок», в противном же случае «он конфискуется, и деньги обращаются в доход общества». На нарушителей всех указанных этих правил налагался штраф, а их лес (на который был наложен арест) конфисковался [8; 141].

В соответствии с нормами «Временных правил об управлении Карачаевскими общественными лесами» от 1893 г., лесничий и его помощник избирались «из лиц преимущественно туземного происхождения, получивших в России высшее специальное образование», «приговором всего карачаевского народа» (большинством не менее 2/3 голосов) /п. 26/. На Карачаевского лесничего возлагались следующие функции: 1) ответственность «за целостность этих лесов», которые он не менее двух раз в месяц обязан был объезжать; 2) надзор за работой лесных объездчиков и лесной стражи, борьба с их злоупотреблениями; 3) личный осмотр во время весеннего лесорубочного периода заготовки лесоматериалов

и состояния лесных участков, не отведенных для рубки; 4) летом, «после тщательного обозрения каждой лесной дачи», обозначение тех урочищ, «в которых находить возможным допустить рубку леса в следующий лесорубочный период»; 5) систематический – не менее 2 раз в год – отчет в адрес КОП (Кубанское областное правление) о состоянии подведомственных лесов; 6) представление лесохозяйственного проекта по своему лесничеству на рассмотрение КОП с окончательным утверждением начальником области. (В проекте должна была быть обозначена разбивка дач «на более или менее равные лесные пространства» с указанием предлагаемых для рубки участков при учете 100-150-летнего периода «оборота рубки» /п. 27, 30/).

Касаясь обязанностей объездчиков и их прав в отношении розыска и преследования нарушителей, «Временные правила...» отсылали к нормам, действующим в казенном лесничестве, а конкретно к п. 79 Лесного устава. В отношении ответственности лесных служащих Карачаевского лесничества за злоупотребления применялись также общеимперские законы (Уложение о наказаниях, Устав о наказаниях и др.). Кроме того, во всех случаях, не указанных «Временными правилами...», предписывалось руководствоваться Лесным уставом 1876 г., «Положением о сбережении частных и общественных лесов» 1888 года /п. 31/. Последний действовал и в отношении признания тех или иных угодий данного лесничества в качестве защитных лесов /п. 3/.

Установленный штат лесничества имел годовой бюджет в 5000 руб., который формировался за счет сумм общекарачаевской казны и включал в себя: лесничего (общий оклад: 1600 руб., в том числе жалование – 700, столовых – 350, разъездных – 350, канцелярских – 200 руб.); одного помощника лесничего (общий оклад 600 руб., в том числе

жалованье – 400, разъездных – 200 руб.); 14 лесных объездчиков (по 200 руб. жалованья каждому) [9; 74-80].

В последующие годы численность состава служащих этого лесничества менялась. Если в 1907 г. их было 16 лиц (по штату 1893 г.) [10; 71-72; 11; 314], то по состоянию на 1914 г. в штатный состав входили лесничий («с высшим лесным образованием»), его помощник («с низшим лесным образованием»), лесная стража, включавшая 3 старших и 20 младших объездчиков. Помимо этого, к структуре лесничества относились и 9 «временных аульных лесных сторожей» [6; 49-54].

Помимо содержания этого штата, карачаевцы за счет своей общенародной казны обеспечивали командировки (не реже одного раза в год) к себе областного лесничего, который вместе с выборными депутатами осуществлял ревизию лесного хозяйства Карачая с последующим отчетом начальнику Кубанской области [9; 74-80].

В целях «более правильного надзора, ведения лесного хозяйства и пользования лесом» площадь Карачаевского лесничества была разбита на семь лесных дач:

1) Учкуланскую: по ущелью реки Учкулан - от перевалов Гондарай и Махар до слияния этой реки с р. / Уллу/ Хурзуком;

2) Хурзукскую: по ущелью р. / Уллу/ Хурзука - «от подошвы горы Эльбруса до слияния названной реки с р. Учкуланом»;

3) Худесскую: по долине р. Худеса - от её истоков в районе Главного Кавказского хребта до впадения в р. Кубань;

4) Джанланкольскую: по ущелью реки Джалан-Кол - «от границы дачи Терской области до впадения названной реки в Кубань»;

5) Даутскую: по ущелью р. Даут (Дуут) - от её верховьев до впадения в Кубань;

6) Тебердинскую: по ущелью р. Теберды - от её истоков до слияния с Кубанью;

7) Марынскую (Маринскую): по ущельям рек Мара и Марджа-Сын - до впадения их в Кубань /п. 2/ [9; 74-75].

Несколько лет спустя была образована и 8-я лесная дача – Кубанская [10; 70].

Посетивший Карачай в 1907 г. Н. Иваненков даёт следующие данные по некоторым из них (информация собиралась вместе с заведующим Карачаевскими лесами Лавровым).

Учкуланская дача (около 2000 дес.): в основном – хвойные («сосна, ель и изредка тис») и отчасти лиственные насаждения (береза, но «низкорослая и занимает самые незначительные площади»); леса располагались «большею частью на каменистых покатосях, малодоступных или совсем недоступных, и только незначительная их часть спускается в ложбины рек»; возраст лесов: «преобладающий от 35 до 100 лет», но были незначительные участки (1/8 площади дачи) «с деревьями до 260 лет».

Худесская дача (около 8000 дес.): в основном – хвойные (преобладающая порода – сосна, но «ели мало»), ниже по Худесскому ущелью на 7 верст от места впадения р. Худеса в Кубань «преобладают лиственные породы, с незначительною примесью хвойных пород». Возраст лесов: «самый разнообразный, от 20 до 400 лет», в среднем – 150-160 лет.

Кубанская дача (около 8000 дес., по р. Кубани - «от с. Учкуланского до балки Межит-кол, близ впадения р. Мары», включая все левые и правые притоки р. Кубани, за исключением бассейнов рр. Дуута и Джалан-Кола); по составу насаждений выделялись три части:

а) от с. Учкулан вниз до ущелья Хасаука («немного выше верхнего Худесского рудника»): склоны по обеим сторонам реки «покрыты молодым сосновым лесом возраста 26-35 лет», на вершинах склонов – сосна до 160 лет, «очень редкая», ущелья Клиян – «старая»;

б) от ущелья Хасаука до ущелья р. Индыша: «лиственный лес»,

преобладание ильмовых пород («ясень, бук, клен, дуб, осина»), а «выше всех – береза и проч.», кроме того, «с половины склонов и на самых их вершинах изредка вкраплены сосна»;

в) от р. Индыша до устья р. Мары: лиственный лес; «на правом склоне преобладает дуб», на левом – деревья ильмовых пород; средний возраст – 30 лет [10; 70-71].

Ежегодно на этих дачах лесной администрацией выделялись участки (делянки), предназначенные к заготовке потребителями лесоматериала.

В 1900 г. расходы на Карачаевское лесничество составили 4283,3 руб., а доходы его – 8113,9 руб. [12; 31]. В 1903 году на содержание его персонала было выделено 5637 руб. (в том числе на содержание лесничего – 2200, лесной стражи – 2640, постройки, ремонт, освещение зданий для лесных чинов – 797 руб.) [4; 29-35]. В 1906 году расходы на содержание Карачаевского лесничества составили 3886,34 руб., а выручка – 10466,73 руб. [4, с. 32-33], то есть чистая прибыль доходила почти до 63%. По данным Абрамовской комиссии (1907 г.), на содержание состава всех служащих лесничества расходовалось «около 6700 рублей», которые возмещались «вырученными от продажи леса доходами, которые колеблются от 8 тыс. до 10 тыс. руб. в год» [11; 314]. В 1913 году за счет общекарачаевской казны было выделено около 7810 руб., в том числе на содержание управленческого состава (лесничего, его помощника) – 2112 руб., лесной стражи – 5675 руб., прочие расходы – около 22 руб. [6; 49-54].

Деятельность лесничества в целом оставалась прибыльной на протяжении всего дореволюционного периода его существования.

Долгое время большую сложность представляла чересполосица угодий Карачаевского лесничества с сельскохозяйственными (покосными и пастбищными) землями

местных жителей, «беспрерывною почти полосой» проходившими по лесным дачам, разрезая эти дачи «на части» и проникая «отрогами вглубь лесов». Это обстоятельство делало территории лесов доступными для нелегального пользования горцами, которые вырубали леса «для хозяйственных надобностей» в целях расширения покосов и пастбищ. Такие самозахваты прекратились после ужесточения надзора с 1890-х гг. [10; 71-72].

Следует отметить и «коммерциализацию» служащих лесничеств, коррумпированность местной системы административного надзора за лесным хозяйством в целом. «Карачаевская общественная касса пуста, – писал автор 1880-х гг., – хотя она имеет постоянные источники доходов – от лесов, летних пастбищ и зимовников, отдаваемых своим же жителям в аренду». Далее он указывает, что эти доходы «обыкновенно распределяются по карманам карачаевских лесников (они же сборщики попенных) и сборщиков денег за аренду пастбищных угодий и зимовников». Так, в 1884 г. один из таких сборщиков денег получил в Баталпашинске по доверенности общества в 1884 г. 1000 руб. «от лесопромышленников за вывезенный ими с Теберды лес». Затем «этот поверенный общества со спокойной совестью положил деньги в карман», а на требование аульного общества передать деньги общественному казначею «отвечал, что денег не отдаст, что они по адату принадлежат ему, а не обществу, ибо одновременно в продолжении нескольких лет он по должности сборщиков собрал для общества более десяти тысяч рублей и теперь берет себе по праву вознаграждение за долговременные труды на пользу общества» [13; 132-137].

К сожалению, практика правонарушений со стороны местной лесной администрации продолжалась и в последующие годы, вызывая справедливые общественные нарекания. В «Ходатайстве карачаевского

народа» на имя наместника Кавказа (1908 г.) прямо указывалось на то, что «лесничий с 14 лесниками хозяйничают в наших лесах, не считаясь с нашими желаниями; мало того, лесники заняты только набиванием своих карманов за наш счет, пользуясь бесконтрольностью своего положения» [14].

Спустя почти десятилетие после учреждения Карачаевского лесничества даже сами местные власти признавали обоснованность выдвигавшихся горцами претензий «на злоупотребления» объездчиков лесной охраны Карачаевского лесничества, выдающих «тайные пропуска», в особенности на плато Бийчесын и урочищу Маматай-Башы [15; 190-191]. Такие факты имели место и в других местах заготовки лесоматериалов.

Предпосылки этих эксцессов коррупционного характера в немалой степени были вызваны относительно невысоким уровнем официальных доходов лесных служащих среднего и низшего звена. Другая причина – в широком бытовании среди самого населения привычки решать свои вопросы путем, как сказали бы сейчас, использования «серых схем». Третья причина состояла в том, что вышестоящие чиновники, судя по всему, не проявляли особого рвения к строгому надзору за положением дел в служебной сфере лесничеств. Данные материалы лишь иллюстрируют общеизвестный тезис о многофакторности коррупции как социального явления. В то же время следует подчеркнуть положительное значение Карачаевского лесничества, действовавшего под непосредственным контролем областной администрации (Лесного отделения Кубанского областного правления) и так называемых «народных депутатов», то есть выборных лиц от Карачаевского

общества [11; 314]. Введенный надзор помогал «сберечь леса от хищнического истребления» и давал возможность вырастить их даже в тех местах, которые «раньше были покрыты лесом, уничтоженным безрасудно населением». Как справедливо отмечалось в начале XX века, леса горских обществ сохранялись «только благодаря учрежденной над ними охране» [10; 50, 73-74].

Таким образом, значение лесничеств имперского периода в рассматриваемом регионе обуславливалось не только экологическим, но и рыночным аспектом их функций. Как мы постарались показать, весь товарный лес населением приобретался исключительно у лесничеств. Упорядоченность их деятельности, доступность лесоматериалов в нормативном и ценовом плане, бесперебойность в удовлетворении неуклонно возрастающего спроса на эти материалы объективно стимулировали возникновение и рост в регионе ремесленной прослойки, профессионально связанной с обработкой лесного сырья. Данный процесс был изначально связан с появлением казачьих станиц, население которых в этом плане обладало большим опытом, а также технико-технологическим и образовательным преимуществом. В свою очередь, вследствие русско-европейского влияния в горской, традиционно скотоводческой среде, появилась прослойка рабочих, устойчиво связанных с лесным хозяйством (труженики лесосплавных артелей, лесопильных и смоло-скипидарных заводов). Иными словами, появление системы лесничеств способствовало развитию отрасли, что, в свою очередь, вносило изменение в социальную и профессиональную структуру населения, в которой шел процесс дальнейшего разделения труда.

Примечания:

1. Кавказский календарь на 1876 год / ред. Роборовский. Тифлис: Главное Управление Наместника Кавказского, 1875. 566 с.

2. Кавказский календарь на 1890 год / ред. Е. Кондратенко. Тифлис: Закавказский Статистический комитет; Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. 413 с.

3. Кавказский календарь на 1903 год / ред. Е. Кондратенко. Тифлис: Закавказский Статистический комитет; Тип. А.В. Кутателадзе, 1902. 481 с.

4. Извлечение из отчета начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1903 год // КК на 1905 год. Екатеринодар, 1905. С. 1-150.

5. Извлечение из отчета начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1906 год // КК на 1908 год. Екатеринодар, 1908. С. 1-149.

6. Селевко А. Отчет о состоянии Кубанской области за 1914 год с 19-ю таблицами. // Кубанский сборник на 1916 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1916. Т. XXI. С. 1-374.

7. Временные правила о лесах общего владения Кубанского казачьего войска и казачьих станиц по левую сторону р. Кубани. Изданы Войск. Хоз. Прав. Куб. казачьего войска в 1888 году // КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. Отдел 2-й. С. 560-569.

8. Петров Г. Верховья Кубани – Карачай // Памятная книжка Кубанской области на 1880 год. Екатеринодар, 1880. С. 123-153.

9. Временные правила об управлении и пользовании Карачаевскими общественными лесами. Утверждено командующим войсками Кавказского военного округа 20.05.1893 // КСК на 1894 год. Екатеринодар, 1894. Отдел 2-й. С. 74-80.

10. Иваненков Н.С. Карачаевцы (Доклад, прочитанный на общем собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 28 ноября 1908 г.) // ИО-ЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. V. С. 25-29.

11. Труды комиссии по исследованию землепользования и землевладения Карачаевского народа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Вып. 15. С. 237-365.

12. Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Тифлис, 1913. Вып. 43. Отд. I. С. 1-156.

13. Люсин. Из Баталпашинского уезда // Известия КНИИ. Черкесск, 2013. Вып. 9. С. 132-137.

14. Ходатайство карачаевского народа // Северокавказская газета. Ставрополь, 1908. 15 февраля.

15. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. 1790-1917: сб. документов / сост. В.П. Невская, И.М. Шамапов, С.П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985. 228 с.

References:

1. Caucasian calendar for 1876 / ed. by Roborovsky. Tiflis: Main Directorate of the Governor of the Caucasus, 1875. 566 pp.

2. Caucasian calendar for 1890 / ed. by E. Kondratenko. Tiflis: Transcaucasian Statistical Committee; Printing house of Chancellery of the Commander-in-Chief of the Civil Unit in the Caucasus, 1889. 413 pp.

3. Caucasian calendar for 1903 / ed. by E. Kondratenko. Tiflis: Transcaucasian Statistical Committee; Printing house of A.V. Kutateladze, 1902. 481 pp.

4. Extract from the report of the head of the Kuban region and the Assigned ataman of the Kuban Cossack army for 1903 // Caucasian calendar for 1905. Ekaterinodar, 1905. P. 1-150.

5. Extract from the report of the head of the Kuban region and the Assigned ataman of the Kuban Cossack army for 1906 // Caucasian calendar for 1908. Ekaterinodar, 1908. P. 1-149.

6. Selevko A. Report on the state of the Kuban region for 1914 with 19 tables // Kuban collection for 1916. Ekaterinodar: Printing house of the Kuban regional government, 1916. Vol. XXI. P. 1-374.

7. Temporary rules on forests of the common possession of the Kuban Cossack army and Cossack stanitsas on the left side of the Kuban river. Published by military economic management board of the Kuban Cossack army in 1888 // KSK for 1891. Ekaterinodar, 1891. 2nd Department. P. 560-569.

8. Petrov G. The upper reaches of the Kuban river – Karachay // Commemorative book of the Kuban region for 1880. Ekaterinodar, 1880. P. 123-153.

9. Temporary rules on the management and use of the Karachay public forests. Approved by the Commander of the Army of the Caucasian Military District on 20.05.1893 // KSK for 1894. Ekaterinodar, 1894. 2nd Department. P. 74-80.

10. Ivanenkov N.S. Karachays (Report read at the general meeting of members of the Society of Amateurs of the Study of the Kuban Region on November 28, 1908 // IOLIKO. Ekaterinodar, 1912. Iss. V. P. 25-29.

11. Proceedings of the Commission for the Study of Land Use and Land Tenure of the Karachay People // Kuban Collection. Ekaterinodar, 1910. Iss. 15, P. 237-365.

12. Sysoev V.M. Karachay in geographical, household and historical terms // SMOMPK. Tiflis, 1913. Iss. 43. Dept. I. P. 1-156.

13. Lyusin. From the Batalpashinsk district // Bulletin of KNII. Cherkessk, 2013. Iss. 9. P. 132-137.

14. Petition of the Karachay people // Severokavkazskaya gazeta. Stavropol, 1908. February, 15.

15. Socio-economic, political and cultural development of the peoples of Karachay-Cherkessia. 1790-1917: coll. of documents / comp. by V.P. Nevskaya, I.M. Shamanov, S.P. Nesmachnaya. Rostov-on-Don, 1985. 228 pp.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 06.06.2021; принята к публикации 10.06.2021.

The paper was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 06.06.2021; accepted for publication 10.06.2021.

© Д.А. Карабашева, 2021